

К 556

16

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ И КРЕПНЕТ
НАША МОГУЧАЯ РОДИНА — СОЮЗ
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК!**

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША СОВЕТСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
КОНСТИТУЦИЯ!**

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЮЗ РАБОЧИХ
И КРЕСТЬЯН!**

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЮЗ
КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ
В ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРАХ
ВЕРХОВНОГО ОРГАНА СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА!**

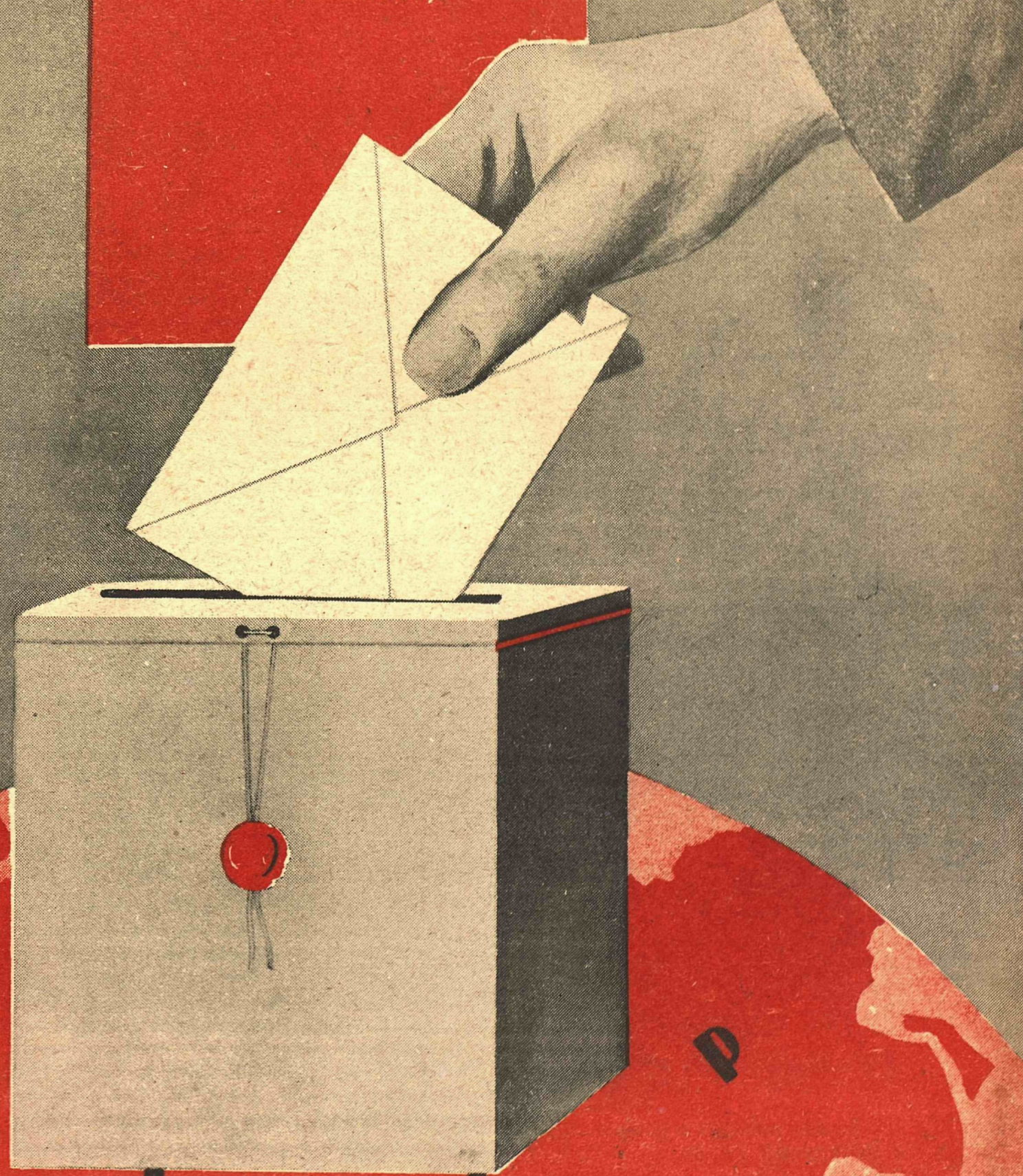
**ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ
ВЛАСТЬ!**

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)!**

КРОКОДИЛ

№ 33 ноябрь

МОСКВА 1937

МОСКВА

ГОЛОС СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА

Рис. Л. Бродаты

Да здравствует союз коммунистов и беспартийных в предстоящих выборах верховного органа Советского государства!

МИЛЛИОНЫ ЗАКОНОВЕДОВ

В старых гимназиях, в восьмом, последнем классе, гимназисты проходили такой предмет — законоведение. Предмет считался легким, но нудным и каким-то ненастоящим.

Преподаватели законоведения, по неписанной традиции, двоек обычно не ставили.

Тем не менее предмета никто не знал. Даже гимназистам казалось глупым затрачивать мозговую энергию на зазубривание туманных аксиом насчет божественного происхождения царской власти. И совсем уж бессмысленным занятием представлялось изучение царского избирательного закона. Кому это нужно? Зачем?!!

Попробуйте на обширной советской земле найти сейчас гражданина, не знающего основ Сталинской Конституции и нашего избирательного закона.

Никудышное, бесплодное занятие!

— Разве среди стариков поискать? Старики раньше были туговаты на такие дела.

— Старые, прежние старики действительно были туговаты, а наши старики, советские, — эти знают Сталинскую Конституцию, будьте спокойны. Как же им ее не знать, если они на основе Сталинской Конституции получают свои пенсии!

— Может быть, они избирательный закон не знают?

— Да вы загляните в любой избирательный участок — обязательно у стола члена избирательной комиссии застанете старика, ведущего допрос с пристрастием. Не забыли ли его включить в список избирателей? Почему здесь написано Андрон, когда он Антрон? Когда митинг будет?.. Нет, старики знают избирательный закон.

— Гм... Тогда, может быть, среди так называемой зеленой молодежи поискать незнающих?

— Что вы? Из этой, как вы говорите, «зеленой молодежи» очень многие являются кандидатами в Верховный Совет! Молодые государственные мужи — это наша гордость и слава!.. Нет, молодежь-то уж знает советские законы, за молодежь мы спокойны.

— Может быть, женщины не знают?

— Не может этого быть! Ведь женщина, по Сталинской Конституции, имеет такие права, какие и не сняты женщинам, живущим в капиталистических странах. Как же им не знать этого! Посмотрите, например, какую замечательную активность проявляли во время предвыборной кампании наши домохозяйки. Попробуйте сейчас назвать советскую домашнюю хозяйку отсталым элементом — она вам покажет, какая она отсталая!..

— Дети не знают Конституции. Вот это уж так.

— И дети знают! Когда на квартиру приходил предвыборный агитатор, к нему навстречу первым выбегал молодой человек с красными щеками и хоккейной клюшкой подмышкой и деловито сообщал: «Тут у нас старуха одна живет — Власьевна. Вы ее насчет выборов хорошенько расспросите...» Дошкольники, конечно, не знают Конституцию, но за школьников тоже можем поручиться!..

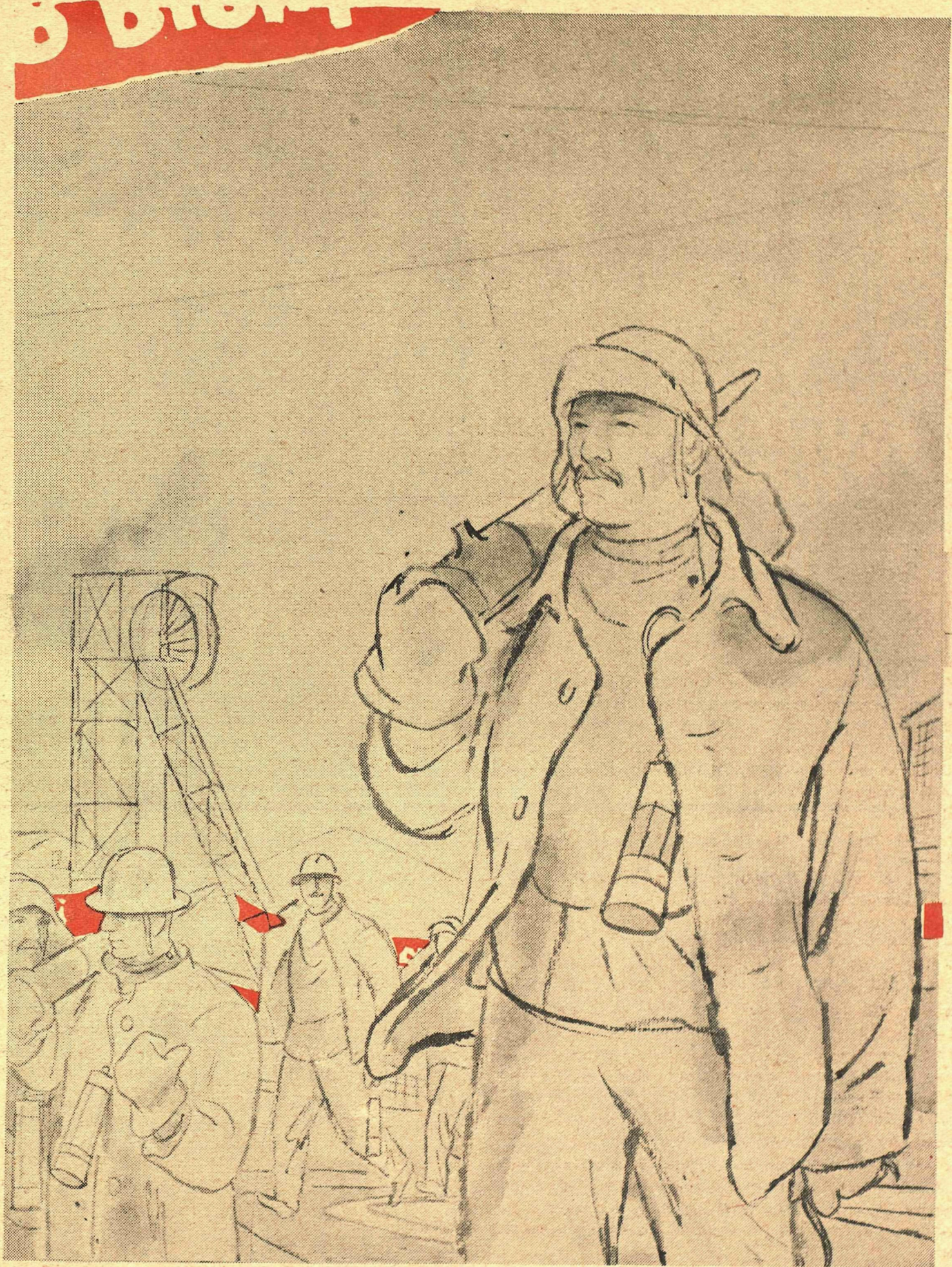
Не стоит утруждать себя подобными поисками. Советский народ знает свои законы. Конечно, многие граждане еще не запомнили всех деталей избирательного закона, но они знают его основу. Знают по одному тому, что Сталинская Конституция — это осуществленные большевиками на деле самые заветные народные чаяния и надежды.

Наша Конституция и наш избирательный закон отличаются от буржуазных не только по существу, но и по форме. Наш закон прост, ясен, доступен пониманию самых широчайших масс. А возьмите любую буржуазную конституцию, любой буржуазный избирательный закон — они написаны так туманно и путано, что разобраться в них простой смертный просто не в состоянии. Вот тут-то бы, казалось, и карты в руки ученым-государствоведам. Но за рубежом ученые-государствоведы существуют не для того, чтобы раз'яснять массам избирательный закон, а чтобы еще больше путать и туманить головы людям.

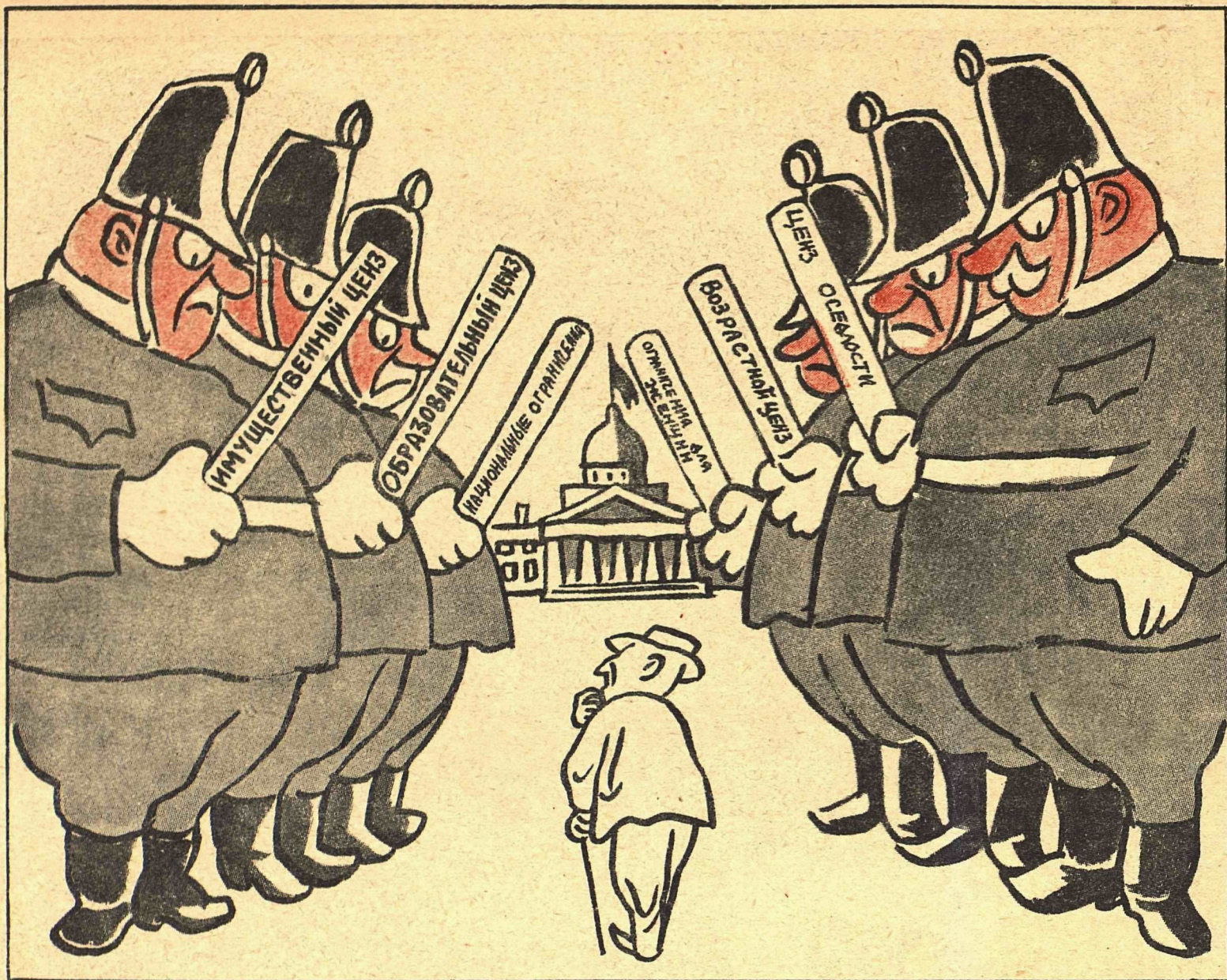
...12 декабря свободные и счастливые советские граждане пойдут к избирательным урнам голосовать за коммунистов, за сочувствующих, за беспартийных кандидатов, выдвинутых на основе избирательного союза коммунистов и беспартийных.

ВЫСОКИЙ ПОДЪЕМ

Рис. Л. Сойфертиса

— Вот это человек! Из самой глубокой шахты в самый высокий орган советской власти выдвинут!

ВЫБОРЫ НА ЗАПАДЕ

ИЗБИРАТЕЛЬ: — Одна из этих дубинок непременно ударит меня!..

ЕГОР ВАСИЛЬЕВИЧ И ДРУГИЕ

11 декабря 1937 года Юра Звягин пришел к закадычному своему другу и однокласснику Алеше Топалову около 6 часов вечера. Против обыкновения Юра был хмур и молчалив. Он не подал руки ни Алеше, ни сидевшему тут же общему их приятелю Вадиму Печковскому, громко шмыгнул носом и, не снимая пальто, опустился на алешину кровать.

Помолчали.

— Ты что — ложки сломал? — мягко спросил Алеша, пытаясь угадать причину огорчения своего друга.

Юра отрицательно покачал головой.

— Неужели алоскоп испортился?

(Была у Юры и такая ценность).

— Да нет!.. Все у меня цело...

— Так чего же ты? — неожиданно громко вступил в беседу Вадим.

Юра горестно покачал головой и произнес:

— Наши завтра голосовать пойдут. Мамка, и отец, и все...

— Ну?

— Ну, а я — чем хуже? А меня вот не берут. «Детям не полагается!» — язвительно передразнил Юра кого-то из взрослых.

— Да, это, — конечно...

Мальчики насупились. Алеша, сдвинув крайне незначительное количество бровей, имеющееся в его распоряжении, заявил:

— У тебя хоть родители голосуют, совсем взрослые. А мне даже Верка говорит: «Подрастешь, будешь голосовать; а пока — ничего...»

— Это сестра?

— Ну да. Сама задается, что самой месяц назад 18 лет исполнилось. А сама у меня военно-морскую игру ворует: сама с подружками играет, когда я спать ложусь.

— А ты не давай!

— Я и не даю. А я засну, а она сама берет...

Алеша повернулся к Вадиму и спросил:

— Вадька, а ты почему не сердиться?

— А так, — воровато ответил Вадим, болтая ногой, — я одну такую вещь придумал...

— Какую вещь?

— Такую. Я, может, еще сам пойду голосовать.

ПОБОРНИК ЖЕНСКОГО РАВНОПРАВИА

— Жаль, что женщины у нас во Франции лишены избирательных прав. Я бы тогда получил деньги не только за мой, но и за твой голос.

— Зачем врешь? Сказано: ребятам нельзя.
— Ну и что ж?.. Я знаю... А я буду голосовать не сам, а — сам...
— Что ты плетешь?
— Ничего не плету. Только это секрет. Я вам скажу, а вы так сделаете...
— А тебе — жалко, да?
— Не жалко, а только на всех не хватит...
Алеша и Юра переглянулись и оба, как по команде, придвинулись к Вадиму.
— Слышишь, говори!.. Ты нам друг или нет?
Вадим почесал затылок:
— Я друг... Только чур вы у меня не будете отбивать?
— Честное пионерское! — вместе произнесли Юра и Алеша.
Вадим оглянулся на дверь и шопотом начал:
— В газете было написано, что если кто неграмотный, то он может взять с собой голосовать другого человека, который грамотный, которому он доверяет...
— Ну?
— Ну я и приду к неграмотному и скажу: дяденька, доверь

мне, пожалуйста. Он доверит — и мы с ним пойдем голосовать — в самую кабину...

— Вре-ешь!.. — опять вместе сказали Юра и Алеша.

Потом Юра прибавил:

— Да, — а где ты найдешь себе неграмотного? Небось, неграмотные-то завтра будут нарасхват...

— А я уже нашел.

— Вре-ешь!..

— Нашел, нашел... Сказать? Только вы помните уговор: не отбивать!.. Ну, слушайте: неграмотный — это Егор Васильевич. Наш дворник. Вот!

Алеша и Юра, потрясенные, молчали. Потом Юра заметил:

— Он тебе не доверит. Он сердитый.

— Он не сердитый, а только пугает. Это — если баловаться во дворе. А если не баловаться, а ему помогать, тогда зачем ему сердиться?..

Опять друзья помолчали. Заговорил Алеша:

— А ты откуда знаешь, что он неграмотный, — Егор Васильевич?

— Знаю. При мне одна тетенька с таким портфелем пришла к нам во двор и говорит Егору Васильевичу: «Примите

В С Т Р А Н А Х К А П И Т А Л А

Депутат подавляющего меньшинства.

повестку или обвестку (уж не помню)». А Егор Васильевич говорит: «Извиняюсь, я неграмотный»...

Алеша пожевал губами и попросил:

— Вадим, можно мы только пойдём с тобой к Егору Васильевичу посмотреть, как ты сделаешься доверчивым... доверенным? Можно?

— Можно. Мне даже не так страшно будет у него просить.

— Значит, сейчас и пойдём?

— Пойдём.

Ребята протопали по лестнице во двор и, не задерживаясь, вбежали в комнату, где обитал дворник Егор Васильевич.

Дворник сидел на узком топчане, покрытом солдатского сукна одеялом. Прямо к носу его свешивалась лампочка безо всякого признака абажура. Огромные ладони дворника бережно держали серый четырёхугольник картона. Увидев мальчиков, Егор Васильевич закричал:

— Дверь, дверь закрывайте, пострелята!.. Мало вам на дворе баловать — ещё сюда прибегли!..

— Мы не баловать, Егор Васильевич, мы по делу, — лобезно начал Алеша.

— Какое такое у вас может быть дело?

— Вот он, — для большей ясности Алеша так пнул Вадима в плечо, что тот чуть было не упал, — вот он хочет, чтобы вы ему доверяли... Ну, на выборах... Ну, как неграмотный...

А он с вами зайдёт в кабину, и он вам поможет, как грамотный...

— Ишь, чего выдумали! — засмеялся дворник.

— Почему смеётся, дядя Егор?.. Он ведь грамотный, Вадим. Он в третьем классе...

— Он грамотный, и я сам грамотный, — перебил дворник. — Вот, смотрите: книгу читаю...

Мальчики, разинув рты, посмотрели дворнику в руки. На сером картоне было написано: «Первая книга для чтения взрослых».

— А кроме того, — добавил поучительно дворник, — плохо вы знаете, граждане, избирательный закон. Неграмотный может с собой привести в эту самую кабину только взрослого человека. А вообще наш разговор теперь ни к чему, поскольку я сам человек грамотный.

— Егор Васильевич, — дрожащим голосом сказал Вадим, — а как же вы летом одной тетеньке говорили, что вы неграмотный?..

— Я и был неграмотный... А теперь, значит, ликвидировал акурат к выборам...

Мальчики переглянулись и пошли к двери.

На дворе Алеша пробурчал:

— Верка говорила, где голосуют, там будут комнаты для детей... Если кто пришёл с детьми... Может, мы там посидим, а?

В. АРДОВ

СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Рис. Л. Генча

— Я еще, знаете, совсем молодой человек: еще не все мои внуки имеют право голосовать...

Дорожное происшествие

Григорий Осипович Кульков, персональный пенсионер, получил телеграмму от старшего сына — военного летчика Петра Кулькова. Телеграмму принесли ночью, и старик страшно испугался, увидав в руке посыльного небрежно склеенный телеграфный бланк.

«Петька разбился!» — подумал Григорий Осипович, и от этой мысли ему стало холодно.

— Прочти ты мне ее, проклятую, сам, друг любезный! — жалобно попросил старик посыльного.

Тот вскрыл бланк и громко прочел:

«Приезжай погостить соскучились деньги высланы Петр».

— Выходит, надо вам собираться в путь-дорогу, — весело прибавил посыльный уже от себя.

— Да ты заходи ко мне! — вдруг засуетился Григорий Осипович и стал тащить посыльного из прихожей в свою комнату. — Чаю хочешь? Я мигом вскипячу. Вот она, какая музыка получается! А я, признаться, другое думал!.. Заходи, заходи, я тебе сейчас чайку...

— Завтра ждите: приду с деньгами. А чай пить некогда мне. Счастливо оставаться! — сказал посыльный и вышел.

У Григория Осиповича два сына, и оба люди известные. Когда после смерти жены старик остался один, сыновья предложили ему переехать жить к любому из них, но Григорий Осипович наотрез отказался.

Он очень любил свой приморский городок с тенистыми бульварами, полными шелеста и свежести. Здесь прошла вся его долгая жизнь. На берегу бухты стоял старинный кораблестроительный завод, на котором Кульков проработал токарем полвека. С родным заводом Григорий Осипович связь не терял. Его приглашали на торжественные собрания рабочих и обязательно выбирали в президиум, и он важно сидел среди молодых.

Утром тот же посыльный принес деньги — двести рублей, и Григорий Осипович отправился в город доставать билет и покупать подарки сыновьям и внуку.

По дороге на городскую станцию он зашел за своим приятелем, тоже пенсионером, бывшим боцманом парохода «Север» Николаем Михайловичем Мордвиновым. Старики пошли на станцию вместе. Была поздняя осень. Бульвары еще зеленели,

и лишь кое-где среди сочной листвы желто-красными орденами горели увядшие листья.

— Ты в мягком поезжай, — советовал боцман приятелю. — В жестком у тебя как раз корзинку упрут. Ты ведь разиня!

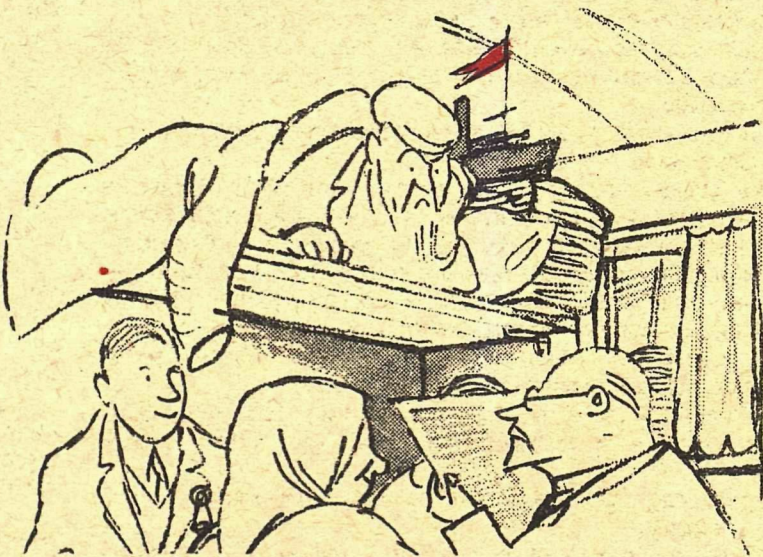
— Не люблю я мягкие вагоны, — сердился Григорий Осипович, — там пыльно и клопы!

— Это раньше клопы были, дура-голова!

— Клоп — животное упорное! — неопределенно ответил Григорий Осипович.

Он хитрил: в мягком вагоне он не хотел ехать потому, что был немножко скопидом.

Билет купили в жесткий вагон, но с плацкартой и постелью. Поезд уходил вечером. Приятели долго бродили по магазинам, выбирая подарки. В конце-концов Григорий Осипович купил старшему сыну трубку, а младшему — вязокосный галстук, пестрый, как кукушечье яйцо, за шесть рублей. Внуку Володьке Григорий Осипович, по настоянию боцмана, купил роскошный двухтрубный крейсер, с пушками и красным флагом на корме.

Место в вагоне оказалось верхним, и Григорий Осипович слегка огорчился, но боцман его утешил:

— Наверху, брат, еще лучше. Будешь там сидеть вроде как на рее, все видать!..

Поезд тихо тронулся. Мордвинов, маленький, толстый, долго шел по перрону, не отставая от вагона Григория Осиповича, и старику Кулькову казалось, что боцман тоже катится по невидимым рельсам.

Кряхтя, Григорий Осипович залез на свою полку и быстро уснул.

Проснулся он поздним утром и, выглянув в окно, увидел бегущие навстречу поля, задумчивых галок, сидящих на телеграфной проволоке, и лоскутья дыма, уносимого ветром.

«Доеду, пожалуй что, без происшествий», — подумал Григорий Осипович и посмотрел вниз. Внизу, на полке у окна, сидел хмурый старик в очках, одетый в черный пиджак и вышитую украинскую рубашку и вслух читал газету. Его слушали другие пассажиры: бледная девушка в красной вязаной кофточ-

ке, молодой курносый блондин со значком «ГТО» первой степени на зеленой осоавиахимовской блузе и старушка, повязанная темным платком по-старинному.

— С яркой речью выступил летчик-орденоносец Петр Кульков, — читал старик в очках. — Он выдвинул в Верховный Совет кандидатуру товарища Сталина... «Партия Ленина — Сталина, — закончил свое выступление знаменитый летчик, — дала мне, сыну рабочего, крылья и счастливую молодость, а моему отцу, ветерану-кораблестроителю, — счастливую старость!..»

— Это сын мой, — не выдержал Григорий Осипович и, свесившись с полки, повторил с удовольствием: — Про сына моего читаете, про Петра... А я и есть этот самый ветеран-кораблестроитель, как в газетке сказано...

Пассажиры оживились, заулыбались. Паренек в зеленой блузе сейчас же вскочил и сказал:

— Вы вниз слезайте, товарищ Кульков, к нам. Давайте я вам помогу.

Григорий Осипович слез вниз, смущаясь от оживления, вызванного его словами. Хмурый старик уступил ему свое место у окна, а старушка в платке стала хлопотливо угощать чаем.

Григорий Осипович пил чай и, счастливо улыбаясь, подробно рассказывал пассажирам про Петра: какой он у него замечательный, как прекрасно летает, как хорошо относится к старику-отцу. И все пассажиры улыбаются вместе с ним, потому что всем был симпатичен этот веселый старик, отец такого знаменитого сына.

Хмурый пассажир в очках таинственно наклонился к уху Григория Осиповича и сказал:

— Сама судьба вас со мной свела, гражданин Кульков. Я, вообще-то говоря, чертежник, но в свободное время люблю помечтать на техническую тематику. Я придумал одно изобретение для борьбы с обледенением самолета. Не можете ли вы меня познакомить в Москве с вашим сыном? Очень хочется узнать мнение знающего человека.

— Отчего же? Пожалуйста! — охотно согласился Григорий Осипович, польщенный просьбой чертежника.

В купе стали говорить о родных и близких, и каждый хвалился кто дочкой, кто сестрой, кто — на худой конец — племянницей.

Наговорившись, пассажиры замолчали. Чертежник снова углубился в газету.

— Картина в кино снимается новая, — сказал он, обращаясь к Григорию Осиповичу. — Из гражданской войны. Пишут, замечательная будет картина, вроде «Чапаева». Главную роль исполняет артист Столетов. Я его очень люблю: хороший актер, талантливый.

— Тоже сын мой, — сказал Григорий Осипович с той же счастливой, простодушной улыбкой.

— То есть, как это — ваш сын?

— Так. Младший. Васей звать, Василием.

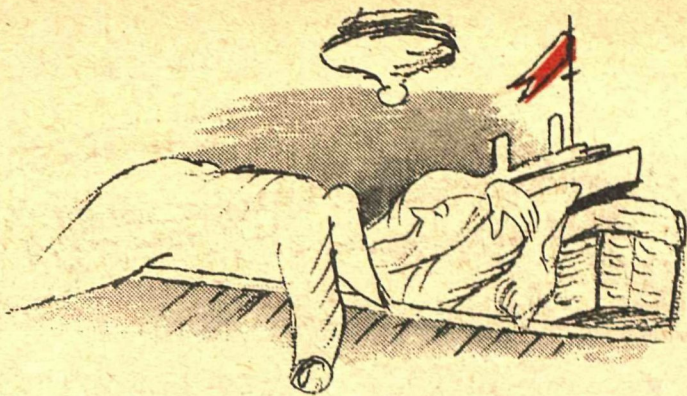
Григорий Осипович хотел было рассказать пассажирам и про Василия, но чертежник сердито прервал его.

— Тут же написано: «Столетов», а вы Кульков...

— Псевдоним его актерский — «Столетов», — кротко сказал Григорий Осипович, — а фамилия ему Кульков!

По лицу чертежника Григорий Осипович увидел, что тот ему не верит. Старик даже жарко стало от неловкости. Он растерянно оглянулся на пассажиров. Все молчали, усмехаясь не без ехидцы.

— Ей-богу, Василий Столетов — мой сын, — повторил Григорий Осипович, краснея.

— Странно! — сказал чертежник-изобретатель. — Очень странно. Про кого в газете ни прочтешь, вы всех себе зачисляете в сыновья. Вот тут дальше про Калинина есть. Может, товарищ Калинин тоже вам приходится сыном?

В купе откровенно засмеялись. Бледная девушка в красной кофточке неуверенно заступилась за Григория Осиповича:

— Может, действительно, артист Столетов — ихний сын?

— Оставьте, — отмахнулся чертежник. — И Кульков и Столетов — так же его сыновья, как мои. Удивляюсь, как это можно в его годы так... врать!..

— Полежайте-ка к себе наверх, гражданин, — прибавил он, обращаясь к старику Кулькову. — Это — мое место.

— Вы не имеете никакого полного права мне не верить! — твердо сказал Григорий Осипович. — Я могу вам бумаги показать.

— Я не милиция. Полежайте, полежайте!..

Смертельно разобиженный, Григорий Осипович залез назад на верхнюю полку и лег, повернувшись лицом к стенке.

Ночью Григорий Осипович спал плохо, он лежал с открытыми глазами, смотрел на чугунную чашку вентилятора и обдумывал план мести чертежнику.

«Петр придет меня встречать на вокзал, — думал Григорий Осипович, — и я ему скажу: «Вот этот старикашка не верил, что ты мой сын». Так и скажу: «старикашка!» Воображаю, как у него морда скривится!..»

В Москву приехали утром. Григорий Осипович вышел на перрон и сейчас же увидел сына Петра. Высокий, плечистый, в кожаном пальто с голубыми петлицами, он зорко присматривался к лицам пассажиров, выходящих из вагонов.

— Петруша! — негромко позвал Григорий Осипович.

— Здорово, батька! — обрадовался Петр Кульков. — Как доехал? Хорошо?

Они поцеловались. Сын легко взял отцовскую корзинку, и они пошли вместе по перрону.

У самого выхода Кульковы догнали чертежника. Он шагнул по платформе, сутулый, маленький, сгибаясь под тяжестью большого фанерного чемодана.

Григорий Осипович, злорадно улыбаясь, окликнул чертежника. Тот оглянулся. Григорий Осипович хотел произнести придуманную ночью обидную фразу, но вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Познакомьтесь, гражданин, с моим сыном. Петруша, этот товарищ сделал изобретение государственной важности. Поговори с ним, пожалуйста, дома или где там хочешь!

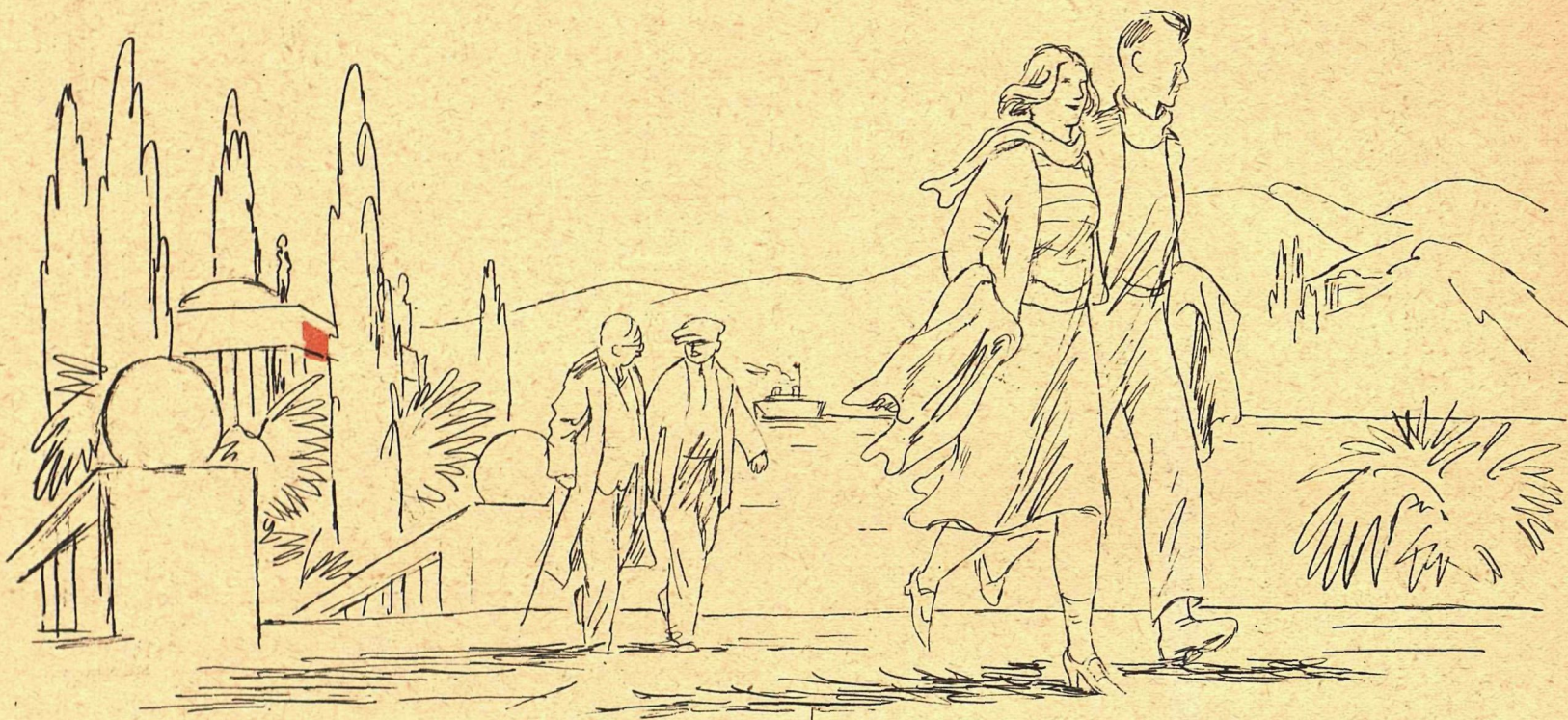
— Очень приятно познакомиться! — сказал летчик и протянул растерявшемуся чертежнику руку.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

В ЭНСКОМ КУРОРТНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ОКРУГЕ

Рис. Л. Сойфертиса

— Вот пройдем по новому шоссе через новый мост, мимо нового парка и новых санаториев пищевиков, горняков и работников начальной школы. А оттуда уже совсем рукой подать до нового здания театра. В нем как раз и находится избирательный участок.

МАМУ ВЫБИРАЮТ

Наша мама — стахановка. Это значит, она работает на «отлично» и еще больше. Она бригадир. Про маму даже в газетах пишут и портрет ее помещают. Мы с Колькой ножницами вырезали. Колька — мой брат. Он еще маленький, а я уже в первом классе... Мама на портрете вышла очень красивой, глазастой и очень важной. А она совсем не важная. Мы ее не боимся. Она нас всегда прощает. Что бы мы ни делали. Немножко накричит, накричит, а потом прощает. Мы уже знаем. Нам больше достается, когда она на нас не накричит, а только посмотрит и молчит. Тогда очень горько. Мы к ней ластимся и просим прощения. Но такой она бывает, когда мы уж очень что-нибудь сделаем. Вот в прошлый выходной я нечаянно залезла к папе в карман, достала папиросы. Мы с Колькой закурили. Мама увидела папиросы, отобрала и ничего не сказала. Мы заплакали, но немножко и к маме стали ластиться. А она на нас не смотрит. Мы реветь и просить: «Мамочка, милая, накричи на нас, мы больше не будем». А так нас

мама любит, и мы ее очень. А папу мы совсем не боимся. Он с нами сам играет, и на нем можно верхом ездить. Папка очень смешной, и когда он бреется, мы всегда возле. Хотя он нас и гонит, как кур: «Кышь!» Папка сильный. Он может Кольку на одной руке поднять к потолку и меня может, но я боюсь. Не потому, что я трусиха, но мне очень холодно делается в спине, когда он меня подкидывает. Пусть Кольку подкидывает, меня нельзя.

Вот раз папа нам все рассказал. И мы как узнали, что маму выбирают в депутаты, сразу присмирели. Страшно за мамку. Она хоть и смелая, но тоже может сробеть. А ей робеть нельзя будет. Мы с Колькой перестали шалить. Нас узнать нельзя. Мама пришла с работы и сказала: «Детей прямо узнать нельзя. Что с ними сделалось?» Мы молчим, только смотрим на мамку. А она спрашивает: «Что вас, котятка, совсем не слышно?» «Котятка» — это она по-нарочному...

А другие ребята с нашего двора нас теперь не чипают и дарят нам пуговицы. Это все потому, что маму выбирают. А один мальчик, самый хулиган, рыжецкий, подарил Кольке

Рис. Л. Сойфертиса

— Наша семья — большая сила: девять избирателей, девять стахановцев, девять заочников и девять спортсменов.

синенькое стеклышко. На что ни помотришь, все делается синеньким. А раньше этот мальчик Кольку бил и меня тоже, но я ему давала сдачи, так что он даже сколько раз ревел и бегал жаловаться. Я знаю: 12 декабря все случится... Мама нас взяла с собой в клуб. Папа сидел с нами, а мама за столом с другими дядьками. Когда мама говорила, я чуть не заплакала: все боялась: вот-вот она сробеет, и у нее не хватит слов. Но ей все хлопали. Колька и я тоже очень хлопали, а папа нет. Мы его толкали в бок: «Хлопай, папка, хлопай». А он от нас отворачивался. Наверно, ему жалко, что не его выбирают, а маму. Он у нас тоже хороший, но спать любит, а книжки читать не любит. Мама его за это ругает. Не надо его особенно ругать, ну пусть спит, если ему так хочется, зато он лучше всех на коньках бегаёт. И меня научил. Но я не люблю быстро, я тихонько, тихонько, и чтоб мальчишки не толкались. Мама тоже умеет на коньках, но больше всего она любит на лыжах. Мне через год и еще через год купят лыжи. А Кольке не надо лыжи, у него есть саночки. Саночки лучше всего: и чем коньки и чем лыжи. На них можно лежать. Когда маму выберут, мы ей с Колькой обязательно что-нибудь купим. У меня есть 27 копеек и у Кольки 15 копеек. Мы ей обязательно что-нибудь

купим. Мама об этом не знает, а папе мы об этом рассказали, он нам даст рубль. У нас будет рубль двадцать семь копеек и копейки пятнадцать. Что бы ей такое купить? Вот никак не придумаем. Я за то, чтоб ей купить лягушку-прыгалку. А Колька — за деда-мороза. Но это потому, что он сам хочет играть с дедом-морозом. А папа говорит: «Я вам советовать не буду: сами придумайте». Что бы ей такое купить? К двенадцатому обязательно надо придумать. А что если купить ей зайчика? Нет, я знаю что. Я куплю ей живого котенка или китайский веер. Но что-нибудь обязательно купим... Теперь, когда мама дома отдыхает, мы ведем себя очень хорошо. Говорим шопотом, не стучим. Раз маму выбирают, нельзя ее обижать. Ее надо беречь... Мы с Колькой уже много раз играли в выборы. И сколько раз ни играли, все выбирали маму, один раз только папу, чтоб ему не было обидно. Ему бы тоже хотелось, чтоб его выбрали, хоть он это и не высказывает. Но он работает не по-стахановски, книжки не читает. Вот его за это и не выбирают, а маму выбирают.

И я очень рада за маму. Только что бы ей купить? Может, вырезать ей тюленя из книжки?

Н. КОРОБКОВ

ТРИ КВАРТИРЫ

Капустину, Сергею Петровичу, музыканту (он играл в кинотеатре, в оркестре), было выказано большое доверие: уполномоченный по избирательному участку прикрепил его к группе агитаторов; агитаторы проводили выборную кампанию в доме № 6 по Советскому проспекту.

Дом был большой. Избирателей — около двухсот человек. Капустин был очень доволен.

«В самом деле, — думал Сергей Петрович, — агитатор! Агитатор, имеющий возможность посетить чужой дом, чужие квартиры... Знакомиться с людьми, беседовать с ними как с близкими, как с товарищами, друзьями... Интересно! Ведь это же — новое явление! Звонок. Здравствуйте! Кто пришел? Не водопроводчик, не точить ножи-ножницы, не с газового завода и не почтальон. Агитатор пришел».

Капустин готовился добросовестно. Изучил Основной Закон, «Положение о выборах», читал историю партии, перечитал известные речи вождей.

Наконец, ему было поручено посетить три квартиры. Зайти побеседовать с избирателями и пригласить их на большое предвыборное собрание.

В первой квартире, светлой и уютно обставленной, сидела немолодая женщина и читала газету. В углу, за пианино, девушка, нагнувшись к нотам, разбирала что-то и напевала вполголоса.

Капустин, которого просили присесть, почувствовал оживление. Как музыкант, он рванулся было вперед, чтобы поинтересоваться работой девушки. Но сдержался. Ведь он пришел сюда не как музыкант, а как агитатор.

Он задал два—три вопроса. Извещены ли товарищи избиратели о собрании? Знают ли, кто намечен в кандидаты по данному избирательному району? Проверили ли себя по списку избирателей или нет?..

— Когда будет собрание, я знаю, — сказала хозяйка квартиры, — но, знаете, не могу дожидаться. Хочется сказать многое, только не знаю, смогу ли я сказать понятно и как надо...

— Почему же? — вежливо сказал Капустин. — Чем больше высказываются избиратели, тем лучше.

— Вот вы бы мне помогли, научили бы, как сказать. Я двадцать три года работала на кожевенном заводе. В мездрильном отделении. Молодость моя так зря и пропала. Четырнадцать — пятнадцать часов в сутки... В центре цеха стоял большой чан, вокруг чана скамейки. Мы стояли на скамейках, низко нагнувшись в чан, и промывали шерсть. Вода в чан шла из холодной реки, прямо ледяная. Спецдежды не было. Грубость, холод, окрики хозяина, заработок — тридцать копеек в день... Что это была за жизнь, даже вспомнить страшно. С чем же я пришла к двадцатилетию Октябрьской революции? В прошлое даже не верится. Было ли оно?.. У меня квартира, вот смотрите: две комнаты. Дочь моя учится пению, комсомолка, сын — комсомолец, техник, работает на заводе... Жизнь у меня хорошая, и детям моим хорошо...

Она встала, подошла к шкафу, открыла дверцу и показала свою шубу:

— Разве я могла бы мечтать о такой шубе в старое время? Спасибо, что зашли, товарищ, напомнить о собрании, но я уж сама поинтересовалась. Уж как хотите, а я слово на собрании возьму и расскажу все, как было, по порядку... Пусть знают люди, что было и что стало...

Старая работница подошла к Капустину и продолжала говорить все горячее и горячее.

Наконец, Капустин ушел.

«Вот тебе и агитация! — улыбнулся он уже в подезде. — Не я ее, а она меня агитировала. Посмотрим, что даст вторая квартира...»

Он посмотрел в записной книжке номер, поднялся на третий этаж, позвонил. В квартире была только домашняя работница. Узнав, кто пришел и зачем, она начала:

— Видите ли, товарищ, я слышала по радио характеристику нашего кандидата в депутаты — учительницы Леоновой. Там товарищ говорил, что это обыкновенный работник, обыкновенная учительница. А на собрании я вдруг слышу, что у нее все ученики учатся на «хорошо» и «отлично». Она дала товарищу Сталину такое обещание и выполнила. Зна-

чит, какая же она обыкновенная? Значит, она очень хорошая работница, значит, она достойна быть выбранной в Совет Союза. Почему же товарищ называл ее обыкновенной?

— Видите ли, — сказал Капустин, — она обыкновенная в том смысле...

— Нет! Неправильно это. Ни в каком смысле не может быть.

И она стала объяснять Капустину, что такое ударная работа, что такое стахановская работа... Объясняла она долго, горячо...

Капустин слушал и думал: «Кто же тут агитатор? Она или он?» Перебить ее было неловко. Да и с какой стати? Человек говорит правильно, все знает: и параграфы Конституции и «Положение о выборах»...

— Обязательно выступлю на собрании, все скажу и о себе скажу.

— Очень хорошо, — сказал Капустин, — обязательно выступите. Литературу получили? Больше вам ничего не нужно? Как будто вам все ясно.

— Яснее ясного!

«Вот тебе и вторая квартира, — подумал Сергей Петрович. — Слова не дают сказать. А я готовился, готовился... Ну посмотрим, какая будет третья квартира!..»

В третьей квартире — надо правду сказать — не все было так четко, как в первых двух. Хозяйка посещала один из кружков, организованных в доме, но посещала неаккуратно. Капустину, наконец, довелось рассказать ей о выборах, о великой Конституции.

Но лишь только он разошелся и с удовольствием начал излагать сущность Конституции, как из другой комнаты вышел брат хозяйки — колхозник, приехавший погостить. Колхозник слушал агитатора с явным нетерпением и, воспользовавшись какой-то паузой, мягко перебил его:

— Правильно, товарищ. Все это правильно. То же и у нас, в деревне. Возьмите хоть меня. Чем я был в старое время? Ничем не был. Батраком был. Неграмотным. Темным... А нынешний год я получил дохода четыре тысячи рублей деньгами, триста пятьдесят пудов зерна, двести пятьдесят пудов картошки, двести пудов сена, разных продуктов еще. Дети у меня обу-ты, одеты, в школы ходят... У вас тут на собрании колхозников не будет. Вот ты и скажи... Обязательно скажи о великой нашей жизни. Ты скажи, что мы всех этих троцкистов и бухаринцев, всех этих гадов, уничтожим опытом и в розницу.

— Вы хотите сказать оптом? — вежливо сказал Капустин.

Колхозник горячо надвинулся на него:

— Да, опытом и в розницу уничтожим гадов. Оптом, говоришь? И оптом тоже!

И он горячо заговорил о партии, о ее великом вожде, о нашем великом времени, о своей работе, о своей культурной жизни, о детях, о планах на будущее...

Наконец, Капустин вышел на улицу.

— Вот тебе и третья квартира! — сказал он сам себе вслух.

И Сергей Петрович заторопился в кинотеатр, потому что наступило время для работы в оркестре.

Он шел и думал, как быстро поднялся и приготовился к выборам дом № 6. Сначала две активистки бегали по парадным и созывали жильцов на кружки. Потом оказалось пять активисток. Потом появился жилец с бородой, который проводил собрания по тридцать—сорок человек. Потом наводнили дом комсомолы, пионеры...

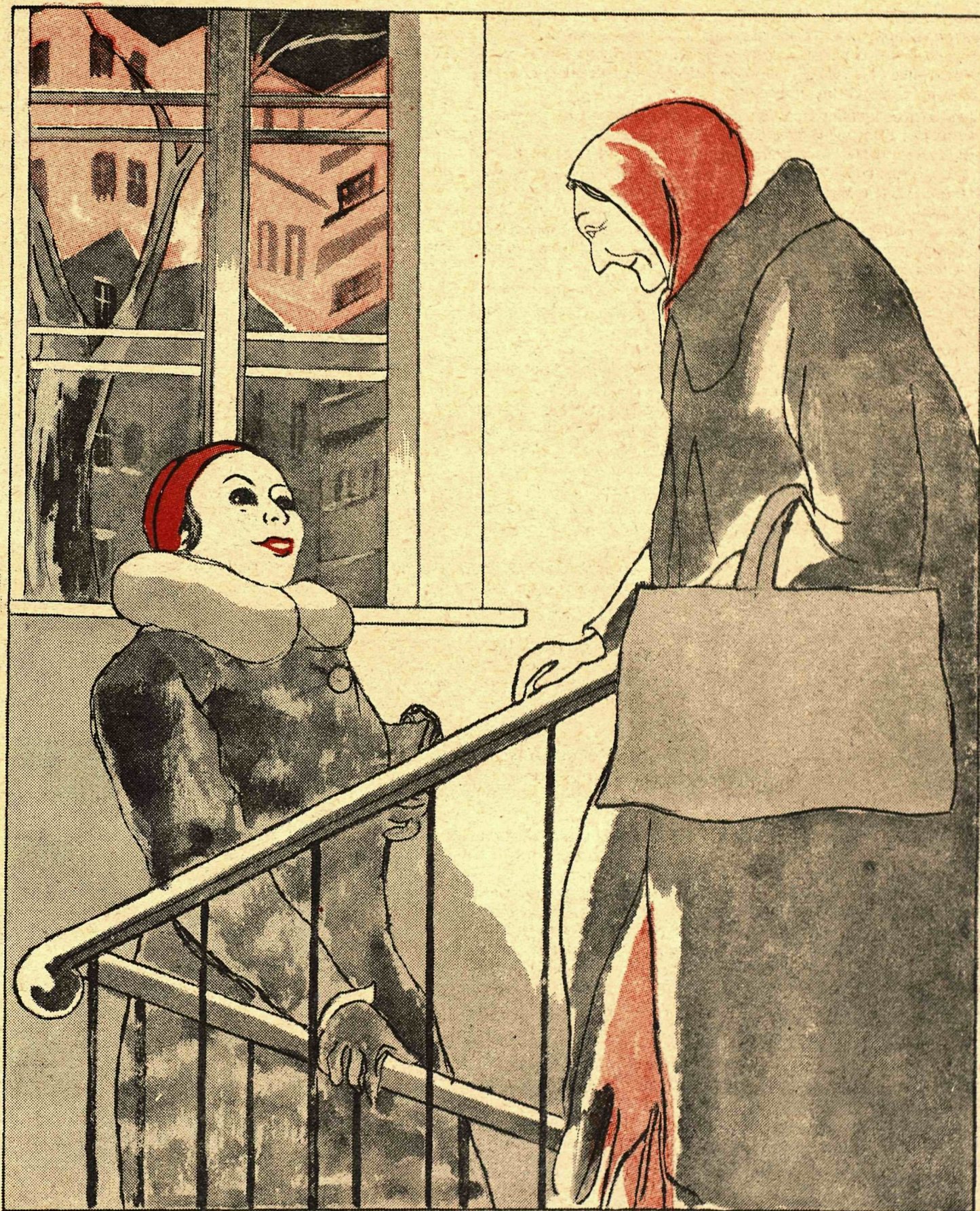
И музыкант подумал:

«Так и в хорошем оркестре, когда исполняется настоящая увертюра или прекрасная симфония. Сначала какие-нибудь две скрипки начинают, к ним присоединяется третья, там, глядишь, начинает поддерживать виолончель, лейтмотив начинает оформляться, его подкрепляют фаготы, флейты... Смотришь: все вторые скрипки уже в работе, басы задвигали смычками... Гул становится громче, звонче, ярче, и могучий победный гром наполняет залу...»

Он добежал до театра. Был рад, что не опоздал. Быстро занял свое место, и ему казалось, что сегодня оркестр играет радостнее чем всегда...

ЕФИМ ВОЗУЛЯ

Рис. Л. Бродаты

- Хлопот у меня по дому много, милая...
- Семья большая?
- Да нет, я по выборам работаю. Ну и прикрепили меня агитатором к нашему дому.

НА ТРИБУНЕ

Рис. Л. Бродаты

— Кто так пламенно по-большевистски говорит?

— Это беспартийный рабочий.

— Кто этот оратор, говорящий о боевых задачах нашей социалистической стройки?

— Это впервые выступающая работница.

— Чей голос так молодо сегодня звучит?

— Это голос 65-летнего старика.

— Чья речь так политически зрела?

— Это говорит комсомолец.

МАЛЕНЬКИЕ ГРАЖДАНЕ

Пока на заводах, на северных льдинах,
На дальних судах и у шахт рудников
Большие в совет выбирают любимых,
Испытанных, верных своих земляков,
Покуда декабрь над страной приподнят,
В домах, на дворах, над листами газет
Волнуются люди, которым 'сегодня
Еще восемнадцать «не стукнуло» лет.
В них будущих лет отражаются даты;
И если назад посмотреть сквозь века,
Ведь это для них, умирая когда-то,
Рабы поднимали на щит Спартака.
И первую зелень сметая пальбою,
Форты разнося и слабая от ран,
Ведь это для них голубую весною
Коммуна на приступ вела парижан.
И это для них «Капитал» создавался,
И, к людям в сознание упорно стуча,
Работала мысль гениального Маркса,

Чтобы воплотиться в стране Ильича.
Чтобы чрез бои довести свое дело
До лет, о которых мечтали с тоской,
И в сталинской воле сгустить до предела
Все лучшие чаянья правды людской...
Быть может, ребята историю знают
Не всю или, может быть, скажем, слегка,
Но правду ребята определяют
Всегда безошибочно, наверняка.
Лет мало? Ну что ж! Наберется до свадьбы.
Большая и яркая жизнь им дана.
И если бы дети могли избирать бы,
То знаю, и вся это знает страна,
Они б, как и взрослые, выбрать сумели,
И первым прошел бы от них в совет
Большой человек в очень скромной шинели,
Родней и любимей которого нет.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

Рис. Бор. Ефимова

В БУРЖУАЗНОМ ПАРЛАМЕНТЕ

— Наш парламент очень похож на театр. Все наши заседания—это чистая комедия. И всегда можно купить место на этих скамьях...

К ВОПРОСУ ОБ АДЕ

— Если вы не будете голосовать за вашего хозяина, после смерти вас ожидает ад!
— Ничего, господин кюре! Мы не очень боимся ада: ведь мы работаем на фабрике нашего хозяина.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. ЧАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 20 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 1163

Сдача текста и рисунков 3/ХП—37 г.

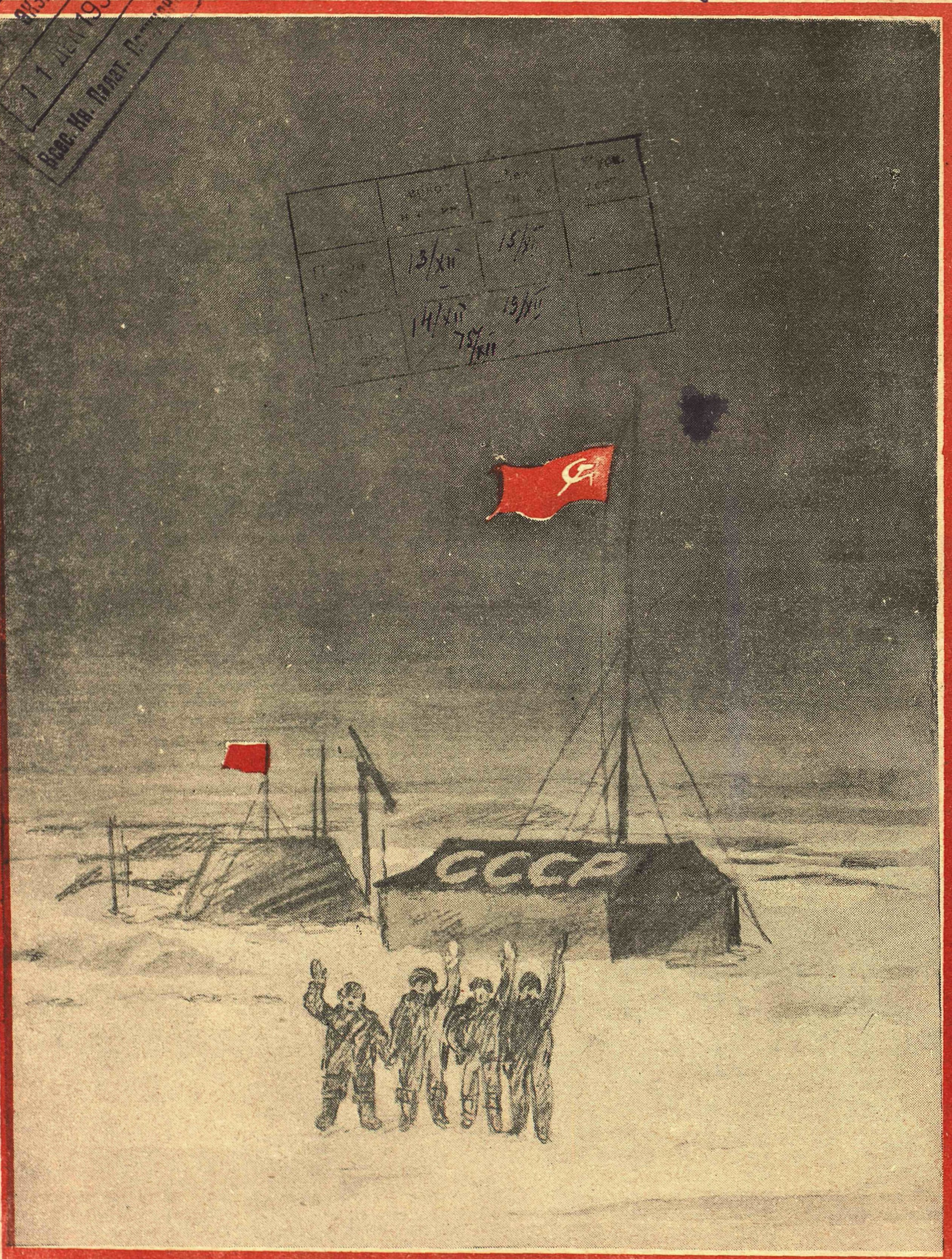
Подл. к печати 8/ХП—37 г. Статформат 72×106 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—31739. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2610. Тираж 275 000 экз.

50
Рис. М. Земных
СЕРИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ
11 ДЕКА 1937
Восст. На. Палат. Р. П. П. П.

	13/XII	13/XII	
	14/XII	13/XII	
	78/XII		

Единственный в нашей стране населенный пункт, в котором 100% населения выдвинуто в Верховный Совет.